

РОССИЯ И АЗИЯ: ФЕДОР СОЛОГУБ И БУДДИЗМ

Габриеле Пауэр

В своем романе *Творимая легенда* Ф. Сологуб сравнил буддизм с христианством: "... в существенном эти два учения – полярно противоположны. Это – утверждение и отрицание жизни, ее да и нет, ирония и лирика. Утверждение, да, – христианство; отрицание, нет, – буддизм (Сологуб 1914: 292-293). Таково, в это время, было в основном представление о буддизме, и не только в России, а также на Западе. Буддизм для Сологуба и его современников был чем-то глубоко *пессимистическим*, как видно из статьи Владимира Соловьева "Буддийское настроение в поэзии" (рецензия на сочинения гр. Голенищева-Кутузова). Соловьев пишет:

Многие из наших писателей уже находили в легендах буддизма мотивы и сюжеты для своих произведений; но настоящим представителем буддийского *настроения* должно признать такого поэта, который, повидимому, вовсе не интересуется буддизмом [т.е. Голенищева-Кутузова]. (...) У гр. Кутузова... тон минорный, настроение безнадежное, он поэт смерти и Нирваны, хотя это последнее столь ныне злоупотребляемое слово и не встречается в его стихах.

Гейне разделял все умы на "эллинов" и "иудеев"; наш поэт не принадлежит ни к тем, ни к другим: он буддист, – разумеется, не в смысле каких-нибудь догматов и учений, а в смысле того душевного настроения, которое кристаллизовалось исторически в религии Шакьямуни, но может существовать индивидуально, независимо от нее. (...) Это настроение есть с начала до конца – безнадежность. Жизнь бессмысленна, а счастье – мгновенная и обманчивая случайность. (...) "Последняя мечта", от которой должна отказаться страдающая человечность, – это мечта о возможности примирения и счастья в жизни (...) истинный исход

только отрицательный – в прекращении жизни.
 Счастье не только случайно (...), оно непозволительно, незаконно по существу (...) Искупление, примирение – *только в смерти* (Соловьев 1892-97: 81-82, 87-88, 95).

Эта цитата Вам может показаться слишком обстоятельной, но здесь – по моему – выражено распространенное тогда мнение-представление о буддизме. И *буддийское настроение*, которое Соловьев заметил у Голенищева-Кутузова, еще сильнее чувствуется у Сологуба – не только в уже цитированной *Творимой легенде*, но и во многих стихотворениях.

Пессимизм буддизма (мы здесь не можем и не будем обсуждать на самом ли деле буддизм пессимистичен – важно только то, что именно таково было представление о нем) привлекал Сологуба и его современников, потому что он соответствовал основному настроению эпохи. Ссылки на буддизм мы найдем у многих писателей того времени – у Толстого, Надсона, Волошина, Мережковского и многих других.

Уже тогда установили связь между Сологубом и буддизмом – как Соловьев видел буддиста в Голенищеве-Кутузове, так А. Белый видел в Сологубе “Далай-Ламу из Сапожка” (“Весы” 1908, № 3: 63-76), хотя дальше о буддизме пишет весьма мало (Сологуб, кстати, на эту статью очень обиделся – он писал об этом В. Я. Брюсову,¹ – но о связи с буддизмом он не высказывался). То, что в этой статье мне кажется важным для нашей темы, в нашем контексте то что и для Белого *буддизм* сразу означает изучение “состояния Нирваны, смерти, небытия”, и что для него *смерть* в творчестве Сологуба – “3-я [т. е. высшая] ступень сознания”.

Вернемся к буддийскому настроению в поэзии Сологуба. Для него – как и в мирозерцании буддизма – вся жизнь – только страдание. Это чувство пронизывает большинство произведений Сологуба. В его стихотворениях мы на каждом шагу сталкиваемся с такими выражениями как “бесконечность страдания” (1975: 148), “мне тошен Суровой жизни бледный вид” (1989: 131), “Я в мире вижу злые муки, смотрю на мир сквозь слезы” (1989: 36), “Страшен жизни грозный шум”

¹ Отдел рукописей ГБЛ, Ф. 386. 103. 26; письма от 13 и 19 апр. 1908 г.

(1989: 43), “Отправлены ядом страданий сказки и песни мои” (1989: 67). Повторяются вопросы как “Для чего этой тленной жизнью болеть?” (1910: V, 208) или “Как мне с жизнью помириться? Как мне смерти не любить?” (1989: 43).

Из этого следует стремление к смерти, которое Соловьев считал типичной буддийской позой в творчестве Голенищева-Кутузова и которое стало типичной чертой в поэзии и прозе Сологуба. *Смерть* для него – освобождение, избавление. Привожу несколько примеров:

Подруга смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.²

Это - радость избавления,
Смерть желанная настала.³

И будет смерть моя легка
И слаще яда. (...)
Поет, - мне песнь ее слышна, -
Поет о воле.⁴

(...)
И странной предаюсь мечте
О небытии и о забвеньи.
Одно хочу я: умереть,
С природой бесконечной слиться,
Чтоб лжи и мрака не терпеть
И с рабством мысли не мириться.⁵

Здесь сильно чувствуется влияние немецкого философа Артура Шопенгауэра (особенно его работы *Мир как воля и представление*), который играл огромную роль в восприятии буддизма в Европе и в России. О значении Шопенгауэра для русской литературы (и особенно для Сологуба) уже много писали, и J. Holthusen заметил соприкосновение Сологуба с Шопенгауэром в отношении к буддизму. Шопенгауэр пишет о смерти:

² Сологуб 1975: 281.

³ Сологуб 1989: 8.

⁴ Сологуб 1975: 315.

⁵ Сологуб 1989: 3.

Смерть – это миг освобождения от односторонности индивидуальной формы, которая не составляет сокровенного ядра нашего существа, а скорее является своего рода извращением его: истинная изначальная свобода опять наступает в этот миг, и поэтому в указанном смысле можно смотреть на него как на *restitutio in integrum* (восстановление в первоначальном виде).⁶

К этому мы еще вернемся.

Другая основная черта буддийской философии, которую мы находим в творчестве Сологуба, – познание непостоянства, бренности всего – жизни, вещей, всего мира. Опять несколько примеров:

Исчезнет все, как след случайный
В дорожной зыблемой пыли⁷

Все, что ты любишь, чем живешь,
Ты должен одолеть.⁸

На свет рожденные случайно,
бесследно сгинем мы опять, -
Жизнь вдруг расстает незаметно,
Как туча в небе голубом,
Как мгла, пригретая приветно
Горячим солнечным лучом.⁹

Какие следы буддизма мы еще найдем в творчестве Сологуба? Самое главное представление философской системы буддизма, которое мы находим в поэзии Сологуба (и которое он – может быть – опять взял у Шопенгауэра) – это представление о перерождении или (как неправильно говорят) переселении душ. Это очень важный для Сологуба замысел, хотя ученые пока не обратили внимание на него. В предисловии к своей книге стихов *Пламенный круг* Сологуб пишет: “Рожденный не первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю

⁶ Полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра. В переводе и под ред. Ю. И. Айхенвальда, II. Москва 1903, с. 525 (цит. по кн. Сологуб 1975: 613).

⁷ Сологуб 1989: 51.

⁸ Сологуб 1975: 247.

⁹ Сологуб 1989: 38.

мою душу” (Сологуб 1908).

Здесь видно, что поэт *сознательно* занимается этим вопросом. Он серьезно относится к этим представлениям – это заметил и В. Ф. Ходасевич, который пишет о Сологубе в своей книге *Некрополь* (1939: 169-170): “Свою жизнь [...] Сологуб почитал не первой и не последней. Она казалась ему звеном в нескончаемой цепи преображений. Меняются личины, но под ними вечно сохраняется неизменное Я [...]. Временная жизнь, цикл переживаний, кончается столь же временной смертью - переходом к новому циклу:

И все, что жило и дышало
И отцвело,
В иной стране взойдет сначала,
Свежо, светло.

Эту мысль мы найдем и в других стихотворениях:

Я умру, - а ты опять
Будешь звезды зажигать,
Сеять чары и мечты, -
Будем снова я и ты.

Будем дети, будет смех,
Будет сладкая любовь,
Будет зло, и будет грех,
И опять прольется кровь.

Снова круг мой завершив,
Стану мертв и стану жив,¹⁰

Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды.¹¹

(...) и смерть из объятий твоих,
Из коварных тисков, ничего не уносит:
Все опять восстает уже в формах иных,
Что отжившая связь только-только-что бросит.¹²

Но, в отличие от положительного понимания *воскресения*

¹⁰ Сологуб 1910: V,118.

¹¹ Сологуб 1975: 345.

¹² Сологуб 1989: 51.

в христианстве, бесконечное перерождение носит кошмарные, страшные черты:

Мне страшный сон приснился,
Как будто я опять
На землю появился
И начал возрастать,

И повторился снова
Земной ненужный строй
От детства голубого
До старости седой:

Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал,
Бессильно порывался
Беспомощно искал...

(...)

И, кончив путь далекий,
Я начал умирать, -
И слышу суд жестокий:
“Восстань, живи опять!”¹³

Я много жил,
Но все забыл,
И вот живу я снова
Для счастья земного. (...)
И жить, как прежде, душно.

Опять забыть?
И снова жить?
(...)
И будет вновь
Вражда, любовь,
Томительная скука,
И вечная разлука.¹⁴

Возникнуть для того, чтоб увидеть
Мираж пленительный над бездною злою,
(...)
Из милой мглы стремительно восстать

¹³ Сологуб 1975: 156-157.

¹⁴ Сологуб 1989: 85.

В пустом скрещении прохождений многих,
И до конца покорным пребывать
Игралищем законов строгих.

И умереть, с покорностью почить, -
Разъединив мечты с бессильным телом,
И в новом бытии опять ожить
За узким гробовым пределом.¹⁵

В последнем стихотворении я бы хотела обратить Ваше внимание на образ *бездный злой*, который мы находим еще в другом стихотворении того же года: “Он хочет жить, повиснувший над бездной” (Сологуб 1989: 84).

Этот образ по всей вероятности заимствован из одной буддийской легенды, которая встречается уже в древнерусской *Повести о Варлааме и Иоасафе*. Это история путника, который, убегая от дикого зверя, падает в колодец (или какую-то бездну) и держится за корни (или ветви) дерева. На дне колодца живет змея (или дракон – существуют разные варианты), над человеком ревет зверь, и две мыши, одна белая и одна черная, грызут корни дерева, за которые он держится. Но когда он замечает ягоды, растущие над его головой, он забывает об опасности его положения [эту историю мы находим в стихотворении В. А. Жуковского *Две повести* (1878: 3, 387-399) и в *Исповеди* Л. Н. Толстого (1957: 23, 13-14) – поэтому очень вероятно, что и Сологуб был знаком с ней]. Путник, который забывает о звери и змее – т.е. о грозящей нам смерти – и хочет только наслаждаться ягодами – это тот человек, который “хочет жить, повиснувший над бездной”, и ягоды – как раз тот “мираж пленительный над бездною злою”. Это – по словам Толстого – “обман радостей жизни”, который отвлекает нас от мысли о смысле жизни, от истины.

Для Сологуба (точно по учению буддизма) смерть уже не является выходом из этого круга перерождений, ведь она приводит только к новой жизни. Причину этого он видит в том, что Шопенгауэр назвал “волей к жизни”. Это выражение Сологуб употребляет несколько раз в своих стихотворениях: “Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?” (1975: 250), “Воля

¹⁵ Сологуб 1989: 86.

к жизни, воля злая” (1975: 258), “Безумная и злая воля Меня бессмысленно влечет” (1989: 54).

Эта “воля к жизни”, которая приводит к новому рождению, проявляется в разных формах:

“И вот живу я снова
Для счастья земного”

“И будет вновь
Вражда, любовь”

“Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал”

“Будет сладкая любовь,
Будет зло, и будет грех,
И опять прольется кровь”.

В этих строках выражена именно “воля к жизни”, которая *закономерно* приводит к новым рождениям, и эта закономерность называется – употребляя буддийский термин – *Карма*, хотя это слово не встречается у Сологуба. Настоящая жизнь определяется тем, что человек делал в предыдущих существованиях, и поведение человека в теперешней жизни со своей стороны определяет возвращение (или невозвращение) к земному существованию в том или ином облике. Это представление встречается и в индуизме, и в джайнизме, хотя там воспринимается несколько иначе.

Так как смерть не является концом страданий, а только приводит к новому рождению, она больше не может быть целью наших стремлений. Поэт стремится к полному забвению и преодолению страстей:

Блаженно все, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, -
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.¹⁶

¹⁶ Сологуб 1975: 123.

Это нас приводит к одному представлению из философской системы буддизма наиболее распространенный – представлении о “Нирване”. Здесь, конечно, невозможно определить, что такое “Нирвана” в системе буддийской философии. Для Сологуба и его современников “Нирвана” в основном – *забвение*. В творчестве Сологуба термин *Нирвана* встречается всего только один раз – в одном малоизвестном стихотворении 1896 г.:

Пускай сияет день так ярко, -
 Во глубине колодца темного
 Я вижу звезды над собой.

Пусть ярко покрывало Майи,
 В себя бесстрашно погрузился я,
 Нирвану вижу пред собой.¹⁷

Сологуб здесь не уточнил, что такое для него *Нирвана*, но все-таки сразу ясно, что это – какое-то освобождение, покой, что-то положительное. Важен здесь свойственный сологубовскому творчеству *дуализм*, который встречается особенно в ранней лирике, но не исчезает совсем: “Нетрудно заметить, что лирические тексты Сологуба отличаются (...) особым упорядочением – в виде двух параллельных образов и тем, которые по музыкальной логике контрапункта укладываются в “диалог голосов” (Brzoza 1981: 185). Этим дуализмом проникнуты (более или менее) почти все произведения Сологуба. Так, отрицательные образы в этом стихотворении: ярко сияющий день и яркое покрывало Майи, потому что *яркость* у Сологуба всегда нечто отрицательное, как и *зной* или *жара* (т.е. ярко сияющий день); а положительные образы: темный колодец и звезды, потому что *ночь*, *темнота*, *звезды* и *вода* (= колодец) – всегда положительные.

Звезды Сологуб противопоставляет ярко сияющему дню, так *Нирвана* противостоит яркому покрывалу Майи; сам себя он сравнивает как бы с темным колодцем, во глубине которого он видит звезды – он погружается в себя и (как звезды в колодце) видит *Нирвану*. Так, и в системе сологубовских образов, и в структуре этого стихотворения, понятие *Нирвана* занимает несомненно положительное место.

¹⁷ Сологуб 1989: 60.

Вернемся к этому стихотворению: здесь встречается еще один термин буддийской (или вообще древнеиндийской) мифологии: покрывало Майи. Майя – это иллюзорность бытия, или вообще иллюзия, обман. В ведийской мифологии она и положительная магическая сила, чудесная метаморфоза, но и обман, хитрость, колдовское изменение вида. В послеведийский период она выступает в персонифицированном виде как богиня, целью которой является обольщение и обман людей. Иногда она является олицетворением тленности и обманчивости всего земного и весь мир оказывается созданием ее – зрелищем, в котором все иллюзия, обман. Так, *покрывало Майи* [35] – та иллюзия, за которой скрыта правда, реальная жизнь, конец страданий и перерождений и т. д.

В стихотворении *покрывало Майи* (как и ярко сияющий день) приобретает отрицательное значение. Такие образы встречаются и в других стихотворениях (того же времени):

Мираж пленительный над вездною злою¹⁸

или

Многоцветная ложь бытия,
Я отравлен дыханьем твоим.¹⁹

Хотя слово *Нирвана* больше не встречается у Сологуба, то, что он очевидно подразумевал под *Нирваной*, мы найдем довольно часто, например, в одном стихотворении 1900 г.:

Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, -
Не опечалось, умирая,
И никуда я не взлечу.

Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было.²⁰

Это напоминает стихотворение Д. С. Мережковского:

¹⁸ Сологуб 1989: 86.

¹⁹ Сологуб 1975: 148.

²⁰ Сологуб 1975: 244.

Покоя, забвенья!...Уснуть, позабыть
Тоску и желанья,
Уснуть - и не видеть, не думать, не жить,
Уйти от сознанья!²¹

Такие чувства, такое мирозерцание Сологуб и его современники нашли уже в романтической поэзии, особенно в поэзии Тютчева. Его желание забыться, жажда “слиться с беспредельным” [выражение из стихотворения “О чем ты воешь, ветр ночной?..” напоминает желание Сологуба “с природой бесконечной слиться”]²² роднит его с декаденством. Так В. Я. Брюсов пишет в статье *Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества*:

(...) он говорит о последнем утешении – исчезнуть в великом “все” мира, подобно тому, как исчезают отдельные реки в море (...). Предугадывая учение индийской мудрости, – в те годы еще мало распространенное в Европе, – Тютчев признавал истинное бытие лишь в мировой душе и отрицал его у индивидуальных “я”. Он верил, что бытие индивидуальное есть призрак, заблуждение, от которого освобождает смерть, возвращая нас в великое “все” (Брюсов 1987: 2, 222).

И это, конечно, соответствует представлению о *Нирване*.

В заключение надо сказать, что очень трудно определить насколько Сологуб был действительно знаком с буддизмом, читал-ли он появившиеся как раз в это время книги о буддизме. Влияние буддизма на русскую литературу (с единственным исключением Толстого) пока весьма малоизученный вопрос. (У Толстого достаточно много прямых намеков на буддизм, он много читал о буддизме, хотя воспринимал его, конечно, по-своему). Это было вполне возможно: уже в середине прошлого века Петербург стал центром буддологии, известная книга Г. Ольденберга была переведена на русский язык, и в начале XX века был построен буддийский храм, который был завершен в 1915 г.

В будущем необходимо изучать архивные материалы, письма Сологуба, сохранившиеся программы вечеров и бесед, на которых он присутствовал, опись его библиотеки и дне-

²¹ Поэты 1972: 155.

²² Сологуб 1989: 3.

вники (насколько они сохранились – большинство писатель сам уничтожил). Тогда только мы сможем уточнить и внешнее знакомство Сологуба с буддизмом – хотя важнее, по-моему, его внутреннее родство, которое я пыталась доказать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Brzoza H.

1981 Идеино-философский смысл музыкального начала в лирике Федора Сологуба 1890-1910 гг. — *Revue des Etudes Slaves*, 53 (1981), 2.

Брюсов В. Я.

1987 Сочинения, т. 2. Москва 1987.

Жуковский В. А.

1878 Сочинения, т. 3. СПб. 1878.

Поэты

1972 Поэты 1880-1890-х годов. Ленинград, Библиотека поэта, 1972.

Сологуб Ф.

1908 Пламенный круг. Москва 1908.

1910 Собрание сочинений, V, СПб. 1910.

1914 Творимая легенда. Собрание сочинений, XVIII. СПб. 1914.

1975 Стихотворения. Ленинград, Библиотека поэта, 1975.

1989 Неизданное и несобранное. München, 1989. [*Slavistische Beiträge*. 245].

Соловьев В. С.

1892-97 Собрание сочинений. Т. 7 (1892-1897). СПб юб.д.

Толстой Л. Н.

1957 Полное собрание сочинений, т. 23. Москва 1957.

Ходасевич В.

1939 Некрополь. Воспоминания. Bruxelles, 1939.